

11. Опацька С. Нова економіка та фактор людського капіталу. // Регіональна економіка. – 2001. – № 4. – С. 161–165.
12. Погоріла Н. Довіра населення до політичних та публічних інституцій у порівняльному контексті. // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2003. – № 3. – С. 144–156.
13. Самойлов В. А. Модернизация образования и человеческий капитал. // Высшее образование сегодня. – 2004. № 11. – С. 16–20.

Чемшит А.А.

СИНДРОМ БИНАРНОСТИ УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Государственность, как объект социально-философского анализа, сохраняет свою актуальность во все времена, но ее значимость возрастает на порядок в условиях переходных периодов. XXI век не без основания можно рассматривать как переход от индустриального к информационному обществу, и этот переход сопряжен с “инвентаризацией” старой шкалы ценностных ориентиров, за которой последует потребность в обновлении всех составляющих духовной жизни общества, всего того, что проходит по реестру надстройки общества. В это правило попадает и государственность. Институт государства, как форма выражения вертикали власти в системе координат общественного развития, находится в состоянии перманентного кризиса. В условиях индустриального общества, как общества “формальной рациональности”, бюрократия, как неотъемлемый элемент организации и управления, трансформировалась в бюрократизм (систему самообеспечения), а тенденция глобализации современного мира обусловила необходимость передачи части властных полномочий центрам организации мирового сообщества. А если к этому добавить делегирование определенных полномочий местному самоуправлению, то от авторитета власти остается только название. Не случайно в западной литературе при характеристике института государства в обиход вошел термин “государство в статусе ночного сторожа”. И все же, институт государства не исчерпал своих возможностей обеспечивать регламент жизни общества. Украинская государственность – не исключение. Ее развитие проходит под знаком трансформационных процессов европейской действительности, которое усугубляется преодолением советского прошлого.

Украинской государственности 15 лет. Едва ли инициаторы суверенитета и все те, кто поддерживал независимость Украины в 1991 году, ожидали видеть казавшуюся столь перспективной, едва ли не “второй Францией”, страну в таком незавидном положении, в каком она находится сегодня. Трансформационные проблемы Украины вызвали к жизни проблему, которую условно можно назвать “синдромом бинарности” политического процесса в Украине. Синдром бинарности демонстрирует раздвоенность и разрыв целостности. Каждая проблема, которую решает государственность Украины, как правило, несет на себе печать дуальности.

Прежде всего, это дуализм территории, разлом и границы которой четко обозначились в ходе избирательных кампаний 2004, 2006 гг. Сколько бы мы ни слышали из уст Президента и других политиков, что “Украина у нас одна”, это, мягко говоря, неправда. Украины у нас две и это мы видим, если хотим видеть, и можем назвать массу факторов исторического, политического, экономического, этнического, культурного, языкового порядка, которые не только не идентичны, но и в значительной мере антагонистичны, если сопоставлять ценности Центра и Запада с одной стороны, и Юго-Востока с другой.

Второе. Особо звучит в этой связи геополитический фактор и внешнеполитический курс государства. В стране нет единого мнения по этой проблеме, и мне думается, что мысль о том, что только слабая информированность населения юго-восточных регионов о природе, целях и намерениях НАТО, о чем твердит г. Тарасюк, является препятствием на пути консолидированного взгляда и поддержки провозглашенного курса на Запад – неверна. Дело здесь вовсе не в проясненном сознании! Проблема вообще лежит вне рационального сознания. Она имеет чувственную природу, природу привязанности к своему, и тому, что считается родным и близким. Одна часть населения против НАТО, потому что понимает, что это означает дружить против России, а она не хочет этого, продолжая считать Россию частью своей, хотя уже и утраченной Родины. Вторая половина, напротив, считает Россию причиной всех своих бед и готова бежать куда угодно, хоть через Атлантический океан, лишь бы никогда не быть с Россией вместе.

Третье – языковая дилемма. В Украине реально существует двуязычие. Примерно в равных пропорциях. Однако факт двуязычия официальной властью игнорируется. Для значительной части украинского политикума сохранение конституциональной нормы – “українська мова – єдина державна” – самая важная из всех существующих задач. Поборники единого государственного языка не желают признавать русский язык даже в статусе регионального. Русскоязычные на данный момент не имеют достаточного ресурса: ни политического, ни правового, чтобы уравнивать русский язык с украинским и добиться признания его в качестве второго государственного. Но является бесспорным, что от этих попыток они не откажутся никогда, а русский язык с территории Украины также никуда не денется. Следовательно, фактор двуязычия не будет способствовать консолидации нации ни в каком варианте: ни в случае отказа русскому языку в статусе второго государственного, ни тем более, если этого каким-то образом удастся добиться.

Четвертый пример. Страна и политикум расколота также и по такому важному вопросу как понимание исторического прошлого Украины. В Центре и особенно в Западных областях имперское и советское прошлое Украины – это цепь сплошных преступлений против украинского народа, это намерения его всячески унижать, ущемлять и уничтожать. Для этого существуют определенные основания, например реакция Петра I на измену Мазепы, введение крепостного права, ликвидация Запорожской Сечи Екатериной II, голодомор времен

коллективизации и др.

С другой стороны, едва ли можно рассчитывать, что в сознании населения Юго-Востока нарушение приязни, измена государю Мазепой когда-либо будет возведена в ранг героизма. Вряд ли сепаратистские настроения украинских гетманов и казаков вызовут сочувствие у сторонников централизованного государства. Что же касается голодомора, то факт самой трагедии сомнению не подлежит. Протестное настроение у значительной части граждан Украины вызывает характер той направленности, которая придается при интерпретации этого события украинскими националистами. Они квалифицируют голодомор 1932–33 годов как геноцид украинского народа. Но если это так, то это значит, что один этнос уничтожался другим этносом, читай– украинцы уничтожались русскими. Здесь необходимо сделать две оговорки.

Первая. Это не отвечает исторической действительности. Трагические события, называемые “голодомором”, следует квалифицировать, если уже использовать известный термин, не этногеноцидом, а классовым геноцидом. Это была не война на уничтожение украинского народа, а политическая борьба с классовым противником – зажиточными крестьянами, жертвой которой стали миллионы людей, не только украинцев и не только в территориальных пределах Украины.

И вторая ремарка. Если бы это и отвечало действительности, то это означало бы не только политическую ответственность “северного соседа”, но и моральную ответственность всех русских – граждан Украины и не способствовало бы консолидации народа в обозримом будущем.

Особняком стоит вопрос о Великой Отечественной войне и ее участниках. Попытки уравнивать воинов Красной Армии и эсэсовцев из дивизии “Галичина” в едином статусе и правах – одна из самых серьезных проблем в формировании системы государственно–политических ценностей и идеалов общества. Ну, а попытки лишить войну 1941–1945 гг. статуса Великой Отечественной могут послужить серьезным стимулом к постановке вопроса: “Как можно жить в одном государстве со столь различными типами мировоззрения и системами ценностей?”.

Пятое. Бинарность украинской государственности проявляется также и через политический режим. Зачастую режим в Украине называется олигархическим. Против этого нет особых возражений, кроме одного. Правильнее, а может быть, точнее, государственный режим в Украине следовало бы назвать олигархо–охлократичным или симбиозом олигархии и охлократии. В самом деле, кому принадлежит реальная власть? Тому, кто владеет собственностью. Какова доля групп частных интересов в Украине в общем пироге, называемом “собственностью”? Ответ: не менее 80%. А каков процент людей, владеющих этой собственностью? Процентом 5–7, а особо богатых и того меньше. Оказывается, официальное государство, то есть организация народа, призванная выражать и отстаивать общее благо и обеспечивать общий правопорядок, контролирует не больше 20% собственности. К тому же в среде народных избранников – Верховной Раде, по многократным заявлениям из различных источников, порядка 350 долларовых миллионов. Таким образом, есть все основания квалифицировать политический режим в Украине как олигархический. Но он не только олигархический. Он олигархический лишь наполовину. На вторую половину он охлократический, поскольку влияние уличной толпы на принятие как важнейших, так и средней руки решений в последнее время в Украине стало нормой и истолковывается как лучшие образцы народной демократии. Оказывается, демократия – это не представительские органы власти, не референдумы, не уважение Конституции и законно действующих органов власти, а блокирование здания правительства, перекрытие дорог, наводнение площадей цирковыми представлениями, дудение в дудки, стучание по металлическим бочкам, палаточные городки и т. д. и т. п. Оказывается, толпа лучше знает, как надо строить государство, каким должен быть внешнеполитический курс, какого политика следует возвысить, а какого “опустить”.

Такие проявления “народной” воли были названы “оранжевой революцией”. В действительности “оранжевая революция” была олигархически–охлократической вахханалией. Это была борьба миллионов против миллиардеров с использованием толпы как механизма реализации целей, никак не связанных с благом народа.

Шестое. Власть в Украине бинарна еще и потому, что в ней конкурируют и не могут пока одолеть друг друга, а значит, вынужденно сосуществуют две школы политиков: романтики и прагматики. Романтики в лице блока политических партий “Наша Украина”, а также БЮТа, основываясь на “идеалах майдана”, столько наобещали народу Украины, что приходится только удивляться: неужели десять миллионов людей всевозможных возрастов в своем политическом сознании находятся на уровне детского сада? Разве можно всерьез было ожидать, что в одночасье произойдут: форсированное вхождение в различные международные организации (ВТО, ЕС, НАТО), будут найдены альтернативные источники энергоносителей, заработают собственные геополитические проекты (типа ГУАМ и Балто-Черноморского демократического сообщества), что пренебрежительное отношение к “северному соседу” пройдет безнаказанно. С каждым днем ситуация не только не улучшается, а ухудшается. Снижается инвестиционная привлекательность, растут цены на энергоносители, откладываются сроки приема в ВТО, открыто высказываются сомнения по поводу целесообразности приема в ЕС, нарастает разочарование внутри общества, вконец испорчены отношения с Россией и Белоруссией. Как результат – серьезное поражение “Нашей Украины” на парламентских выборах в 2006 г., что можно считать и личным поражением “вождя померанчевой революции” В. Ющенко.

Партия регионов представляет собой прагматическую школу политического управления. В ее рядах немало взвешенных политиков, профессиональных управленцев. ПР в состоянии исправить некоторые крайности романтиков, но кардинально изменить всю политическую ситуацию – едва ли. Препятствием этому является недостаточный перевес сил прагматиков над романтиками в общем его раскладе. Синдром бинарности здесь присутствует со всей очевидностью. В обозримом будущем трудно предположить, чтобы какая-то из сторон одержала убедительную победу, а значит, предстоит изнурительная борьба с переменным успехом.

И, наконец, самая сложная проблема стоящая как перед властью, так и перед украинским обществом во-

обще – какова должна быть модель национально-государственного единения. Мы видим, что таких моделей две. Первая базируется на этническом национализме, вторая в своей основе имеет идею политической нации.

Известнейший специалист в области этнополитики и этногосударствоведения Стефан Шульман проводит четкие различия между этническим и политическим национализмом. Согласно этническому национализму люди представляют и олицетворяют признаки, которые должны их объединять в одну нацию и государство: общая история, культура, религия, язык, традиции и раса.

Согласно же гражданскому (политическому) национализму народ думает о том, что может, должно или должно бы объединить всех или большинство элементов общества, в частности, такие признаки, как проживание на совместной территории, вера в общие политические принципы, наличие гражданства, представленность общими политическими институтами, желание быть частью одной нации–государства.

Опять же налицо ситуация, когда и политически и географически Украина разведена в своем пути выбора оптимальной модели. Запад и Центр категорически стали за модель национального государства, Юго–Восток предпочитает модель государства–нации.

На данный момент первая модель насаждается политическими силами во главе с Президентом. Вторая модель воспринимается Партией регионов во главе с премьер–министром. Ресурсные базы обеих моделей примерно равны по силам, правда юридический ресурс националистов несколько сильнее, поскольку такие базовые элементы националистической модели государства как унитаризм, единственный государственный язык закреплены Конституцией.

Синдром бинарности украинской государственности указывает на недостаточную органику политической системы. Конечно, назвать украинское государство механическим соединением двух частей: Запада и Востока было бы преувеличением. Но не видеть бинарного характера общества и государства, настаивать на лозунге “Україна єдина” было бы большой натяжкой.

Думается, в обозримом будущем у Украины опять же таки два пути развития: либо вялотекущий бинарный процесс, наполненный соперничеством различных и неприемлемых для двух сторон ценностей, либо обострение конфликта до предела и переход бинарности в дихотомию, т.е. раскол на две страны, каждая из которых попытается реализовать свою модель национально-государственного устройства.

Источники и литература

1. Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. – М., 1998.
2. Гражданское общество: истоки и современность. // Науч. ред. И. И. Кальной. – СПб., 2006.
3. Кушнарев Е. П. Новая украинская национальная идеология– час пробил // 2000 – еженедельник. – № 33. – 2006.
4. Чемшит А. А. Государственная власть и политическое участие. – К., 2004.
5. Stefan Schulman. The Contours of civic and ethnic National identification in Ukraine, Europe–Asia Studies, Vol. 56,#1, January 2004 pp. 35–56.

Чудина Н.В.

ВОЗМОЖНЫЕ ФОРМЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Человек современно общества имеет уникальную возможность наблюдать за переменами, происходящими в нем. Находясь в ситуации перехода из одного столетия в другое, он, с одной стороны, может оглянуться на события века прошедшего и, с другой – представить те события, которые будут происходить в веке наступающем. Такое уникальное состояние перехода, перемен и трансформаций социокультурного пространства можно определить как некий «рубеж между», или языком синергетики – «точкой бифуркации» общественного развития. [7, 8, 9]. По своей природе точка бифуркации в своей основе имеет ряд возможностей, вероятностей (флуктуаций) и как следствие этого нестабильность, неоднозначность, дисгармонию открытой системы.

Такую «точку бифуркации» переживает современное общество и не только постсоветского пространства, но и других стран. Точку бифуркации современного социокультурного пространства можно определить через ряд основных ее флуктуаций. Во-первых, – это состояние перехода из одного социального устройства в другое, которое сопряжено с рядом трудностей, вызывающих у индивида нестабильное состояние его психики. Во-вторых, – это связано с тем, что численность людей возрастает и поэтому возникает проблема личного пространства, так называемого «ареала» каждого человека. Примером тому являются города – мегаполисы, где, подчас, соседи не знают своих соседей, но при этом никто не может избежать «близкого» общения с «другим» в общественном транспорте. В – третьих, что может быть самым важным, (курсив автора – Ч.Н.), *это время когда заканчивается один век и наступает новый, когда каждый задумывается о том, что было прежде и остерегается того, что принесет будущее.* Ведь будущее несет в себе элемент неизведанного, когда от конкретно взятого человека ничего, по большому счету, не зависит. Такой переход словами синергетики есть время перехода из одного «аттрактора» общественного развития в другой. Переход с таким числом вероятностей (флуктуаций) несет в себе ряд трудностей, которые и наблюдаются в современном обществе. К таким сложностям и трудностям современной ситуации можно отнести глобализационные процессы, рост международной преступности, неприятие «Другого», пересмотр ценностных ориентиров.

Не стоит тешить себя надеждой, что нынешнее состояние перехода и трансформации общества является абсолютно единичным событием. Ситуация уникальна, но не единична. Н. А. Бердяев имел все основания рас-